

* * *

Малюты — славные соратники,
В корчме опять сидят без дела?
От рук отбившихся — поправить бы,
Пока свеча не догорела.

Наелась, напилась опричнина,
И застоявшихся коней
Седлает людно и обидчиво:
«Куда?» «Государю видней!»

В оскале песья пасть болтается.
Мотает в тороках метлу.
Смирилась на рысях страдалица:
Всё лучше, чем стоять в углу.

А царь опять играет в шахматы,
Семибоярщину клянёт:
Все имениты, все под шапками.
Брюхаты. Ябед полон рот.

Понять бы, чем он им не нравится?
Прапрадед головы рубил.
А он, тишайший (аль не разница?)
Сколь вотчин роздал, а не мил.

Оно, конечно, иноземное
Злокозненно нас иго гнёт.
Но молодо — ещё ли зелено?
Даст бог, проглянем из тенёт.

Гордится Русь единорогами.
Огнём горынычи смердят:
В намордниках, пока не продали,
Под спудом и в цепях до пят.

В годах уж государь наш батюшка.
Малюта, может, он и есть...
В сметану обмакни оладушек,
И «даждь нам» не забудь прочесть.

* * *

Так хочется жизни хорошей, где, будто в раю,
Никем ты ещё ни обижен, ни с кем на краю,
Сцепившись над бездной, не бьёшься, не катишься вниз
По крыше покатою, где двух не удержит карниз?

Так хочется дольше гулять по красивой земле.
Картошечку щепочкой трогать в горячей золе.
Не думать, глаза прикрывая, хорош этот мир или плох,
Забыв про оградку, где вымахал чертополох.

Два мира,

два солнца,

две лётных уже полосы.

И третья, с которой взлетая, прощально ты щиплешь усы.
Короткого рейса не будет. И, в кресло валясь,
Ты разве что эху закажешь обратную связь.

В просторном салоне (с нулями на сто пятьдесят единиц
По паспорту — граждан, по спискам — указанных лиц)
На всех (кроме без вести канувших)
Маршал один,

Священник один.

И один муэдзин.

Молчит экипаж. Стюардессы не помнят маршрут.
По курсу летишь, а часы с циферблатами врут.
Всё больше свободных становится мест впереди.
Соседа не спрашивай: «Где мы?» — и вниз не гляди.

Там листья не убраны, сгнил надломившийся крест,
И только могилы, и только надгробья окрест...

Там время споткнулось,

лишь некто (ослеп он и глух)

Приходит проведать в оградке увядший лопух.

Так хочется жизни хорошей, пускай не в раю,
Пускай над обрывом, ещё не на самом краю,

Где, прячась в крапиве, тропинка спускается вниз.
Назад оглянись, и увидишь знакомый карниз.

Смирись, моя плоть. Отступилась от нас благодать.
К столу опоздали. На сказочках будем гадать.
Кукушка обманет, чужой похвальбой отоварена.
У бабы Яги побывай да у змея Тугарина.

В потёмках ногой опрокинешь треножник, плати за дисплей.
Оракул о трёх головах, он продвинутых любит гостей.
Стучит Костяная Нога, провожая Иванушку: «Кыш из оконца!».
А он за своё: «И да скроется тьма, и да выглянет солнце!»

О, боги! До новой-то эры и впрямь либо нет, либо как?
Всё барственно, пьянственно, чувственно, умственно —
Дело табак.

Облуплена, точно яичко, младая в застолье паства.
Ещё скорлупу из-под ног подмести не успела, проснувшись едва.

* * *

И век бы лежало, да вдруг покатилося —
Не яблочко с ветки упало, противясь:
У края скалы по-над пропастью камень
Неравные счёты сводил с каблуками.

Легко ль удержаться, попавши в немилость,
Раз гонят с обрыва, где прыгать не надо.
Задвигался склон — и гора надломилась.
Такой уж характер у камнепада.

Тайком ли спихнёшь, всё равно будешь вычтен.
Терпение лопнет: объявят импичмент.
А это до белого, значит, каленья:
Засыпало русло, и нет поколенья.

И словом подталкивать камешек плохо.
Пророком окажешься, сгинешь на плахе.
Вчера бичевали, сегодня Голгофа,
А завтра разбойничек в красной рубахе.

Генезис

Чуть летние сумерки, с крыш соскользнув на пустырь,
Ребячьим восторгам помогут в песке затеряться,
Над детской площадкой в листву тополей нетопырь
Неслышную тенью скользнёт из чердачного ранца.

Летучих мышей поводырь, в перепончатых крыльях привстав,
Как плащ, распахнув их, парит, коготки подбирая,
(Крючки вместо ног, и бессилён тут птичий Минздрав:
Не ходят они, а живут и висят, умирая).

Они тут свои... не из тех, кому век обитать
Под сводом пещер, где растут кувырком сталактиты,
Где, щупая дно, сухоядец, отвыкший летать,
Грызёт известняк, обживая гранитные плиты.

Не зная озноба, но плесенью затхлых грибов
Дыша, и вцепившись в античные ниши карнизов,
Висят эти твари среди исполинских столбов,
В потёмках себя на края капителей нанизав.

Их в сумерках будит луна... Но о многом уже
Летучие мыши с тобой нам поведали сами.
Неважно теперь, на каком через люк этаже
Проникли мы к ним,

а потом их скитальческий быт описали.

Ведь это в офортах у Гойи, где мрак не щадит никого,
Сон разума мнимых рождает чудовищ.
Там ведьмы танцуют матлот, игроки говорят на арго,
Монеты стучат о прилавок, потом — либидо лишь.

Летучие мыши живут за кирпичной трубой
Не гости мы там, а послушаешь — родичи, вроде.
Причислив себя к антиподам, парим в этажерке одной
При облачной, ясной, и даже ненастной погоде.

У них, как у пчёл, а у нас, как всегда, кавардак:
Подвальный этаж. А у этих малюток мансарда:
Жилищный аппендикс (всего-то забытый чердак),
Где пыль пожиная остатки ненужного скарба.

За что избегать их? Невежества мыльный пузырь,
В глазах неофитов придал им иную окраску,
Ведь клички обидные: Оборотень... Нетопырь —
Погосты живых упырей принимают, как ласку.

И мы ведь в глазах нелегалов под крышей
(ну, как их там звать-величать?)

Наверное, вместе к обидам их крохотным ближе.
Читай послесловие века. Не крылья, а руки ломали печать:
Огромными будучи, выше когда-то хотели —

всё выше и выше...

Усох птеродактиль. Набеги кошачьи житья не дают.

Ни пенсий, ни льгот, ни скворечен хотя бы на дачах.
Мол, так им и надо,
ведь кровь по ночам из младенчиков пьют.
А днём, возвратясь, по своим капюшончикам плачут.

* * *

На фото тридцатых (ничьей годовщины)
Ещё не успели пробиться морщины
На лицах героев и юных подруг.
Пускай трибуналы, ночные аресты,
Но ходят на танцы бойцы и невесты.
Любовь не обманешь. Пусть рано. А вдруг!

Ещё головой им не надо в подушку.
Пускай кавалеры берут их на мушку
И водят под ручку в кино на расстрел.
Ведь там, на экране, такая Орлова.
А этот Ильинский, ну, честное слово...
С галёркой весь зал хохотать угорел.

Военную школу кончают курсанты.
Дебют у рабфаковок в клубном ансамбле.
Одним гауптвахта, другим в драмкружок.
Всё дело в платочках, подобранных с пола:
Кармен уронила, потом Перикола.
На страже армейский (как тут) сапожок.

И без увольнительных вечером в парке,
Опять самоволка, опять контрамарки.
А Ванечка — Цезарь, а Колечка — Брут.
Конечно, тревожно на Дальнем Востоке.
Глядишь, и пораньше отправят в итоге...
Сболтнёшь, и ремень с кобурой отберут.

Так весело барышням в частной столовой.
Крюшон и пирожное с коркой слоёной.
Играет оркестр, и не надо вина.
По сопкам маньчжурским грустят инструменты.
Пора патрулям проверять документы.
Такие чудные у всех имена.

Скрипят портупей, смеются петлицы.
Привет с Халхин-Гола, с восточной границы!
Да здравствует Цезарь, да славится Брут.
Под шляпкой Кармен, а в боа Перикола:
Метр семьдесят пять (с каблуками) от пола.
И что? Если замуж пока не берут.

Хорошие курят бойцы папиросы.
Зачем впопыхах отвечать на вопросы?
Достань и открой наградной портсигар.
Появятся жёны. Обрезаны косы:
За милую душу, за то, что курносый,
За то, что хоть пóбыл, и снова пропал.

Судьбу проклиняйте, а жизнь их не троньте.
Под Краковом в Польше, на финском ли фронте,
Большая война их подхватит опять.
А в старом Иркутске, о них памятуя,
Сестрички-медички (Танюша и Уля),
Уже в перевязочной станут их ждать.

На долгую память хотя бы сыночка —
Четвёртую осень усталая почта
Про танцы и туфли не может забыть.
Такой вот расклад. «Напилася я пьяна»...
У Тани отгул, на дежурстве Ульяна —
И не с кем ни той, ни другой покурить.

На выцветшем фото глядят, как из дыма:
Под Оршей пропал, не дошёл до Берлина,
Ни Цезарь в погонах, ни стриженный Брут.
Из плена, из темени, из-под Нарыма...
Куда ни напишешь — как в омут с обрыва:
О ком подтвердят, а кого обойдут.

Четыре войны за спиной поперхнулись.
Другие названья у памятных улиц.
Кокарды двуглавый орёл обрамил.
Воскресшие рынды стоят у престола.
В просвиrne Кармен, на хорах Перикола.
Кому же, кому же свет белый не мил?